Рыхтик Михаил Иванович
д-р полит. наук, профессор
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы
народов им. Патриса Лумумбы»
г. Нижний Новгород, Нижегородская область

ПАМЯТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПОВЕСТКЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: *отмечается, что историческая память занимает важное место в современной исследовательской повестке, посвящённой межнациональным отношениям. Концепция государства-цивилизации, предполагающая готовность к взаимодействию с носителями иных ценностей, может рассматриваться как один из ответов на актуальные риски и вызовы. Ключевыми институтами последовательной реализации политики сохранения исторической памяти выступают армия и школа.*

Ключевые слова: *Историческая память, государство-цивилизация, межнациональные отношения, ценности.*

Изучение проблем памяти уходит своими корнями в античную философию, а термины «историческая память» и «историческое сознание» появляются в XIX веке. В начале XX века проблемы соотношения культуры и памяти получают свое осмысление в работах З. Фрейда, А. Бергсона, Э. Дюркгейма, А. Варбурга, К. Манхейма, В. Беньямина и др. В 1970-е годы возрождается интерес к феномену коллективной исторической памяти, что послужило толчком для появления такого научного объекта как история памяти. На рубеже 1980–90-хх годов растет интерес к особенностям современной массовой исторической памяти. Последнее десятилетие прошлого века ознаменовалось появлением фундаментальных исследований, посвященных исторической памяти – Й. Иерушалми, Э. Хобсбаум, Д. Лоуэнталь, Ж. ле Гофф и др. Сама память становится одной из центральных

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

тем не только общественной науки, но и общественной жизни в разных странах: Германия, США, Франция, Украина, Россия и многие другие. С сожалением должны сказать, что вопросы интерпретаций исторической памяти вырвались на улицы городов и стали «достоянием» толпы. Разрушение памятников и трагедии на межнациональной и межрасовой почве стали приобретать черты «охранения» вульгарно понимаемой исторической памяти.

В СССР категория «память» получила свое рассмотрение в 1970-е-1980-е годы в рамках в том числе и саратовской школы социально-философских исследований (В.А. Колеватов, В.Б. Устьянцев, Я.К. Ребане), где заметно доминировал информационный подход. Использовалась категория «социальная память», которая рассматривалась как совокупность знаний о прошлом.

Самый заметный рост теоретического интереса к проблемам исторической памяти наблюдается в России в последние десятилетия. Большую роль в этом процессе сыграло формирование и распространение концепции интеллектуальной истории, что нашло отражение в работах Л.П. Репиной и ее коллег. Благодаря их усилиям, удается поддерживать высокий академический уровень осмысления столь актуальной проблемы. Тем не менее, мы стали свидетелями практики политического использования исторического прошлого, с одновременным конструированием антиисторических нарративов с целью легитимизации собственной власти и оправдания принимаемых решений. Придаётся наукообразный характер «политике памяти». Фальсификаторы обосновывают избирательный подход к тем или иным историческим событиям. Специфика восприятия человеком окружающей действительности и особенности функционирования человеческой психики становятся во главу угла.

Как справедливо отмечает В.Л. Воронков: «Неотъемлемым элементом практического осуществления «политики памяти» становится устранение из публичного пространства любых напоминаний об исторических событиях и явлениях, противоречащих ныне отстаиваемым властными кругами в Европе позициям». Проявление «политики памяти» особенно опасно в сфере межнациональных отношений. Как известно профессиональным историкам, этнографам,

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

антропологам и культурологам эта часть общественной жизни требует особой деликатности, профессионализма и такта. С учетом того, что количество участников политического процесса в современном обществе заметно возросло, теперь это не только и не столько государство. Задача сохранения стабильности и обеспечения безопасности усложняется. Экономизация многих процессов заметно повысила риски межнационального напряжения. «Игры с памятью» в этой связи требуют особого внимания специалистов.

Философы давно заметили (Жолнаи Лацло (2017) – «рынки имеют тенденцию господствовать над другими сферами общественной жизни и стимулируют формирование «рыночного общества» (Карл Поланьи, 1940)). После второй мировой войны гиперэкспансия рынка стала всеобъемлющей. Глобализация, приватизация, вездесущность финансов, новые условия, характерные для позднего модерна/современного капитализма, создают препятствия для устойчивого, социально ответственного, то есть подлинно этического поведения акторов в окружающем их мире. Следует согласиться с профессором В.А. Гуторовым, который полагает, что существующая институциональная система и соответствующий ей мир ценностей делает этическое поведение фактически невозможным или, в лучшем случае, спорадическим [1]. Возможный ответ этим рискам – государство-цивилизация, где готовность работать с носителями других ценностей является нормой.

Современные межнациональные отношения характеризуются динамичностью – требуют постоянного участия не только индивида, общества и государства. Сегодня это бизнес, криминальные организованные группы, международные организации, университеты. Вызовы межнациональным отношениям, на которые следует находить ответы с привлечением инструментов сохранения исторической памяти:

− отсутствие единства в подходах к определению этноса и нации (существительные «нация» и «национальность» (этнос) – в русском языке одно прилагательное «национальный»);

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

– отсутствие однородности культурно-ценностного поля в российском обществе как в горизонтальном (много разновозрастных этносов), так и в вертикальном (разрыв между культурами различных социальных групп);

– усиление региональной идентичности среди нерусского населения (социологические опросы, Л. Дробижева с начала 2000 годов);

– наблюдаемый в последнее время рост националистической активности против нерусского населения обусловлен негативными тенденциями, которые угрожают основным понятиям бытия русского населения. При этом, исследования показывают, что большинство русских – сторонники модели благожелательного этнического и конфессионального взаимодействия;

– образ российского государства несет на себе значительную этнонациональную и этнокультурную нагрузку.

Профессором М.М. Мчедловой справедливо утверждает, что ценностная целостность не менее важна, чем целостность территориальная. Сохранение этой самой целостности напрямую зависит от эффективности и профессионализма охранения и приумножения исторической памяти. Прав был Питирим Сорокин, утверждавший, что: «наличие целостной устойчивой системы ценностей важнейшее условие как внутреннего социального мира, так и мира международного». Сегодня очевидно, что общее ценностное пространство является культурной основой национальной безопасности.

Советские политологи обращали внимание на особую роль двух институтов в становлении и развитии государства и с этим выводом трудно не согласится. Речь идёт об армии и школе. Именно эти институты могут нести ответственность за ценностную составляющую, а значит являются важнейшим пространством реализации политики исторической памяти. Все остальные участники политического процесса, включая СМИ, блогерство, «мозговые центры» и т. п. могут лишь конструировать, но не создавать. Ценностное содержание политической активности – монополия государства. Обеспечивать её могут разные институты, что сегодня уже очевидно, а ведь еще 20 лет назад этот тезис вызывал если не отвержение, то уж точно дискуссию.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Рассуждая о роли исторической памяти в осмыслении межнациональных отношений в нашей стране, важно не забывать преамбулу Конституции Российской Федерации, внести поправки в которую практически невозможно. «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем» [2, с. 3].

Список литературы

1. Гуторов, В. А. Неустойчивая ответственность: контуры утопии / В. А. Гуторов // Власть и элиты. – 2019. – Т. 6, Вып. 2. – С. 176–195.

2. Конституция Российской Федерации : в новейшей действующей редакции. – Москва : Проспект, 2025. – 61 с.

3. Основы российской государственности : учеб.-метод. комплекс для медицинских специальностей / М. М. Мчедлова, Д. А. Аникин, С. Б. Зинковский [и др.]. – Москва, 2025.

4. Память о войне и войны памяти. Великая Победа и бои за историю / Институт Европы РАН. – Москва : Весь Мир, 2026. – 344 с.

5. Российский словарь современного политического языка / под ред. А. Ю. Шутова. – Москва : Аспект Пресс, 2025. – 392 с.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)